

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф ПАВЛЕНКОВА

И. ЛОБАЧЕВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И УЧЕНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. Θ. Литвиновой

Портретъ Лобачевского, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

АТЛАНЪ ВЪ ТИПОГ. ВЫСОЧ. УТВЕРЖД. ТОВАРИЩ. ОБЩЕСТВЕНАЯ
Большая Подъячская, № 39.

1894

Н. И. Лобачевскій.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Н. И. ЛОБАЧЕВСКІЙ.

ЕГО ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. Θ. Литвиновѣй.

Съ портретомъ Лобачевского, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

1895.

B1
1168

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 Апрѣля 1895 г.

31186

ПОТЕН
О ЦЕНТРА
И КОМПЛЕКСИ
В ПУТИ

111
111

СОДЕРЖАНИЕ.

Глава I Юбилей Лобачевского. — Инициатива юбилея — Празднование его въ Казани и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ — Слѣдствія юбилея возбужденіе интереса къ наукѣ и появленіе новыхъ материаловъ для біографіи Лобачевского	5
Глава II Родители Лобачевского — Первые годы жизни и общее образование въ Казанской гимназіи — Открытіе Казанскаго университета — Университетскій курсъ и первые профессора-учителя гимназіи — Поступленіе Лобачевского въ университетъ, его научныя занятія и характеръ. — Полученіе имъ степени магистра — Бартельсъ, Броннеръ, Литровъ и Ренверъ — профессора иностранцы и вліяніе ихъ на жизнь и научную дѣятельность Лобачевского	10
Глава III. Дѣятельность Лобачевского во время эпохи «обновленія» Казанскаго Университета Лобачевскій исполняетъ завѣтъ Румовскаго — Безпорядки въ университетскихъ дѣлахъ, ихъ причины и слѣдствія. — Ревизія и донесеніе Магницкаго — Магницкій, попечитель Казанскаго учебнаго округа — Отношеніе Лобачевского къ эпохѣ «обновленія», какъ профессора и члена совѣта	27
Глава IV Мусинъ-Пушкинъ назначенъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа — Лобачевскій ректоръ университета, характеръ его профессорской и административной дѣятельности — Заботы о среднемъ и народномъ образованіи — Научныя занятія въ это время	37
Глава V. Лобачевскій въ домашнемъ быту и въ частной жизни. — Наружность Лобачевского въ зрѣлые годы — Женильба. отношенія къ женѣ и дѣтямъ. — Занятія сельскимъ хозяйствомъ — Любовь къ нововведеніямъ и отвращеніе отъ рутины — Дѣятельность въ Волно Экономическомъ обществѣ — Семья Лобачевского	51
Глава VI Роковые годы и годы увяданія — Лишеніе катедры и назначеніе помощникомъ попечителя учебнаго округа — Слѣпота — Борьба съ немощью тѣла — Изданіе пантгометра. — Кончина	59
Глава VII Научная дѣятельность Лобачевского. — Изъ исторіи не вклидовой или воображаемой геометріи. — Учасіе Лобачевского въ созданіи этой науки — Различныя современныя воззрѣнія на будущность и значеніе не вклидовой геометріи и отношеніе къ вклидовой. — Параллель между Коперникомъ и Лобачевскимъ — Слѣдствія изъ трудовъ Лобачевского для теории познания — Работы Лобачевского по чистой математикѣ, физикѣ и астрономіи	66

Матеріали для біографіи Лобачевскаго и оцѣнки его научныхъ и общественныхъ заслугъ.

- 1) Рѣчь профессора *Н. Н. Булича* надъ гробомъ *Н. И. Лобачевскаго*. 14 февраля 1856 г.
 - 2) Воспоминанія о службѣ и трудахъ профессора Казанскаго университета Лобачевскаго, профессора *А. Θ. Попова*.
 - 3) Біографія Лобачевскаго, написанная *Янишевскимъ*.
 - 4) Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, соч. *Булича*
 - 5) Воспоминанія о Лобачевскомъ, *Михайлова*, студента Казанскаго университета выпуска 1844 г. «Волжскій Вѣстникъ», 1893 г. № 271.
 - 6) Изъ жизни великаго геометра Вагнера. «Недѣля», за 1894 г. Мартъ.
 - 7) Воспоминанія о *Н. И. Лобачевскомъ* со словъ *его сына Н. Н. Лобачевскаго*. «Историческій Вѣстникъ», 1895 г. Январь.
 - 8) Въ «Семейной Хроникѣ» Аксакова мы находимъ превосходную характеристику университета и гимназій времени Лобачевскаго.
 - 9) Полное собраніе сочиненій Лобачевскаго, 1886 г.
 - 10) Отдѣльныя статьи по части популяризаціи научныхъ идей Лобачевскаго въ русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ за 1893 и 1894 гг. въ «Вопросахъ философіи», «Научномъ Обзорѣніи», въ журналѣ «Science» и мн. др.
 - 11) Рѣчи, произнесенныя по случаю юбилея Лобачевскаго профессорами Казанскаго и другихъ университетовъ.
 - 12) Празднованіе Казанскимъ университетомъ дня рожденія *Н. И. Лобачевскаго*
 - 13) Васильевъ, «Броннеръ и Лобачевскій». *Н. И. Лобачевскій* и т. д.
 - 14) Этюды по геометріи Лобачевскаго, Семиколѣнова.
 - 15) Сборникъ объ основаніи геометріи, состоящій изъ мемуаровъ: Гаусса, Бельтрами, Риманна, Гельмгольца, Ли и Пуанкаре. 1893 г
-

ГЛАВА I.

Юбилей Лобачевского. — Инициатива юбилея. — Празднованіе его въ Казани и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. — Слѣдствія юбилея: возбужденіе интереса къ наукѣ и появленіе новыхъ матеріаловъ для біографіи Лобачевского.

Можно безошибочно сказать, что до 1892 г. имя Лобачевского за предѣлами Казани было извѣстно только специалистамъ-математикамъ; съ сочиненіями-же его были знакомы далеко не всѣ изъ послѣднихъ.

Въ 1892 году появилось въ газетахъ сообщеніе Казанскаго физико-математическаго общества, начинающееся словами:

«22-ю октября 1893 года исполнится столѣтіе со дня рожденія знаменитаго русскаго геометра Лобачевского. Николай Ивановичъ Лобачевскій принадлежитъ несомнѣнно къ числу тѣхъ ученыхъ XIX столѣтія, работы которыхъ явились не только цѣннымъ вкладомъ въ науку, но и открыли ей новые пути».

Изъ этого-же сообщенія русская публика узнала, что одинъ американскій ученый называетъ Лобачевского Коперникомъ геометріи. Это возбудило любопытство, и всѣ удивлялись, что до сихъ поръ они не знали о существованіи *русскаго Коперника*, и внимательно всматривались въ суровое, угрюмое лицо русскаго мыслителя, изображенное на портретѣ, приложенномъ сначала къ сообщенію, а потомъ появившемся въ газетахъ.

Что-же Лобачевскій такого сдѣлалъ? — раздаются голоса: создалъ-ли онъ новую геометрію и какое отношеніе имѣетъ эта геометрія къ старой? Главный-же камень преткновенія здѣсь — вопросъ, для чего понадобилась Лобачевскому новая геометрія? Дѣло въ томъ, что всѣмъ людямъ, получившимъ только среднее математическое образованіе, большей частью кажется, что геометрія, которую они «прошли» по Симашко или Давидову, безусловно хороша. Зачѣмъ

нужно было ее усовершенствовать? Еще менѣе понятно существованіе какой-то другой, воображаемой или неевклидовой, геометріи.

Къ воображенію принято относиться съ большимъ недоумѣніемъ; Евклиду привыкли вѣрить, и очень естественнымъ является вопросъ: если геометрія Лобачевского — не Евклидова, то можетъ-ли она быть истинной?

Эти вопросы раздавались все чаще въ образованномъ нашемъ обществѣ, потому что въ газетахъ появлялись новыя сообщенія объ устройствѣ юбилея, о предполагаемомъ памятникѣ Лобачевскому въ Казани и т. д. Въ послѣдней главѣ біографіи мы постараемся главнымъ образомъ отвѣтить на эти вопросы не-спеціалистовъ, для которыхъ и предназначается популярное изложеніе біографіи Лобачевского.

Всѣмъ извѣстно, какую, собственно говоря, незначительную роль въ нашей будничной жизни играютъ научные вопросы; потому приведенные нами выше конечно не принадлежали къ числу вопиющихъ вопросовъ дня, и задавшіеся ими люди спокойно ждали разрѣшенія ихъ отъ тѣхъ рѣчей, которыя ожидалось на празднованіи юбилея...

Однако эти вопросы должны быть дороги для всякаго русскаго, потому что съ ними связанъ вопросъ о той роли, которую суждено выполнить русскому уму въ наукѣ. Для нашего молодого народа эта роль еще не опредѣлилась, и русскіе ученые, давшіе новое направленіе той или другой наукѣ, на перечетъ. Поэтому они не могутъ не приковывать вниманія всякаго человѣка, интересующагося будущностью нашего отечества и славой русскаго имени.

Для такихъ истинныхъ патріотовъ вопросъ о томъ, что сдѣлалъ Лобачевскій, — весьма существенный, а вмѣстѣ съ тѣмъ приобретаютъ большое значеніе какъ самая личность ученаго, такъ и условія его развитія.

Мысль о возможности геометріи Лобачевского (*независимой отъ известнаго постулата Евклида о вѣтрѣхъ перпендикуляра и наклонной къ одной и той-же прямой*) принадлежитъ великому математику Гауссу.

Въ наукѣ, какъ и во всякой другой области, существуютъ рискованныя предпріятія, неблагодарные предметы изслѣдованія, и къ числу такихъ предметовъ безспорно принадлежитъ развитіе и воплощеніе упомянутой мысли Гаусса. Геніальный Гауссъ былъ человѣкъ осмотрительный и свое время отдавалъ болѣе, если хотите, благодарнымъ трудамъ, число которыхъ такъ-же велико, какъ и

ихъ важность для математики. Созданіе неевклидовой геометріи требовало, сверхъ гениальности, времени, риска и боевой отваги. Все это нашлось у нашего знаменитаго соотечественника. Лобачевскій не задумался отдать всю свою жизнь научному труду, который, какъ онъ самъ хорошо зналъ, не могъ быть понятъ и оцѣненъ его современниками. Извѣстно, что характеръ человѣка имѣетъ органическую связь съ его умственной дѣятельностью, какъ-бы отвлеченна ни была эта послѣдняя. Творческія силы ума остаются безплодными при отсутствіи энтузіазма и силы воли. И не только характеръ человѣка, но и его національныя особенности кладутъ свою печать на научную дѣятельность. Гауссъ высказываетъ свои сомнѣнія въ абсолютной истинности постулата Евклида только въ разговорахъ и въ перепискѣ съ друзьями, Лобачевскій же имѣлъ смѣлость печатать въ *то время въ Казани* свои сочиненія, относящіяся къ тому же предмету. И въ этомъ смѣломъ шагѣ, можетъ быть, проявилось то русское *ничего*, о которомъ говорилъ Бисмаркъ. Есть основанія предполагать, что съ упомянутой мыслью Гауссса познакомилъ Лобачевского его профессоръ и другъ Гауссса Бартельсъ въ надеждѣ, что среди сыновъ молодого народа найдется отважный творецъ новой науки.

Инициатива празднованія столѣтняго юбилея рожденія Лобачевского принадлежала небольшому кружку казанскихъ математиковъ. Каждый университетъ и каждое ученое общество праздновали этотъ юбилей особо. Начнемъ съ Казанскаго университета, положившаго праздновать юбилей три дня (22, 23 и 24 октября), причѣмъ профессорами Суворовымъ, Васильевымъ, Смирновымъ, Загоскинымъ и г. Рейнгардомъ прочитаны были рѣчи, посвященныя памяти о жизни и ученой дѣятельности Н. И. Лобачевского.

Наша академія наукъ почтила память Н. И. Лобачевского адресомъ на имя Казанскаго университета.

Въ Петербургѣ празднованіе юбилея Лобачевского ограничилось сообщеніемъ Савича въ математическомъ обществѣ и рѣчью профессора Шиффа на высшихъ женскихъ курсахъ.

Но 5 ноября, въ день основанія Казанскаго университета, бывшіе его питомцы и профессора, проживающіе въ Петербургѣ, собрались въ «Сѣверной гостинницѣ» на обычное общее собраніе; среди нихъ находились лица, учившіяся въ университетѣ во времена Лобачевского. Юбилей Лобачевского воскресилъ въ памяти ихъ личность покойнаго ректора и профессора Казанскаго университета.

Изъ воспоминаній людей, знавшихъ покойнаго, выяснилась нравственная личность Лобачевского. Вспоминали, съ какой снисходительностью, несмотря на внѣшнюю суровость, относился онъ къ недостаткамъ, слабостямъ и увлеченіямъ студентовъ, какъ готовъ былъ помочь въ нуждѣ и несчастіи. Много добрыхъ, хорошихъ мыслей и намѣреній вынесли присутствовавшіе изъ этого собранія.

22 октября, въ 6 ч. вечера, въ залѣ Юрьевского университета прочитана была публичная лекція: «О жизни и научныхъ трудахъ Лобачевского» профессоромъ Лахтинымъ. Харьковское математическое общество устроило торжественное засѣданіе, посвященное воспоминаніямъ о заслугахъ Лобачевского и т. д.

Изъ описанія празднованія Казанскимъ университетомъ столѣтней годовщины дня рожденія Лобачевского видно, что интересъ къ памяти великаго геометра, вызванный Казанскимъ математическимъ обществомъ, распространился по всей Россіи и проникъ во всѣ образованные слои нашего общества. Въ числѣ поздравленій, полученныхъ въ день юбилея Казанскимъ университетомъ, мы находимъ не только телеграммы отъ всѣхъ русскихъ университетовъ, математическихъ и *всѣхъ* другихъ *ученыхъ* обществъ, но также отъ среднихъ учебныхъ заведеній отдаленныхъ окраинъ Россіи, отъ частныхъ кружковъ, связанныхъ умственными интересами, (напримѣръ, отъ нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи) и отъ отдѣльныхъ лицъ. Отраднѣе всего, что Лобачевского чествовали не одни математики, но также врачи, юристы, археологи, однимъ словомъ вся образованная Россія. И вмѣстѣ съ *нею* чествовали Лобачевского и всѣ главные иностранные университеты и другія высшія учебныя заведенія, какъ видно также изъ телеграммъ, напечатанныхъ въ томъ же описаніи юбилейнаго торжества. И можно сказать, профессора математики и философіи употребили всѣ зависящіе отъ нихъ средства выяснить не-спеціалистамъ научное значеніе Лобачевского. Первое мѣсто въ этихъ трудахъ принадлежитъ казанскимъ профессорамъ-математикамъ Васильеву, Суворову и профессору философіи Смирнову. Эта популяризація идей Лобачевского возбудила къ нимъ общій интересъ, и почти каждое изъ нашихъ періодическихъ изданій посвятило популярную статью этому предмету.

Появились также въ печати въ высшей степени цѣнные воспоминанія о Лобачевскомъ, которыя содѣйствовали выясненію замѣчательной личности нашего геометра, и, что всего важнѣе, многіе русскіе ученые болѣе ревностно принялись за продолженіе и усовер-

шенствованіе научныхъ трудовъ Лобачевского, въ чемъ *до сихъ поръ* всѣ націи принимали болѣе дѣятельное участіе, чѣмъ мы. Въ длинномъ списокѣ сочиненій по геометріи Лобачевского, приложеніемъ ко II-му тому его сочиненій, мелькають два-три русскихъ имени.

Но теперь можно ожидать появленіе еще новыхъ статей о Лобачевскомъ и его геометріи, потому что вызванный празднованіемъ юбилея интересъ къ дѣятельности русскаго геометра все разрастается. Итакъ, юбилей въ этомъ отношеніи вполне достигъ своей цѣли. Физико-математическое общество стяжало себѣ устройствомъ этого юбилея большую заслугу.

Вслѣдствіе юбилея Лобачевского мы обогатились, во-первыхъ, многими свѣдѣніями о его личности, которыя безъ того погибли бы для насъ; во-вторыхъ, — попытками выяснить читающей публикѣ научныя и общественныя заслуги Лобачевского.

Все это придаетъ празднованію юбилея Лобачевского важное значеніе въ исторіи просвѣщенія въ Россіи.

ГЛАВА II.

Родители Лобачевского.—Первые годы жизни и общее образование въ Казанской гимназіи. — Открытіе Казанскаго университета. — Университетскій курсъ и первые профессора-учителя гимназіи. — Поступленіе Лобачевского въ университетъ, его научныя занятія и характеръ. — Полученіе имъ степени магистра. — Бартельсъ, Броннеръ, Литтровъ и Реннеръ—профессора-иностранцы и вліяніе ихъ на жизнь и научную дѣятельность Лобачевского.

Николай Ивановичъ Лобачевскій родился 1793 г. въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Отецъ его занималъ мѣсто уѣзднаго архитектора и принадлежалъ въ числу мелкихъ чиновниковъ, получавшихъ скудное содержаніе. Итакъ, Лобачевскій ни по своему званію, ни по своему состоянію не принадлежитъ къ привилегированнымъ людямъ. Бѣдность, окружавшая его въ первые дни рожденія, перешла въ нищету, когда въ 1797 г. умеръ отецъ. и мать осталась одна съ дѣтьми безъ всякихъ средствъ. Къ счастью, Прасковья Ивановна Лобачевская была женщина энергичная; она переѣхала въ Казань и опредѣлила на казенный счетъ въ гимназію всѣхъ трехъ своихъ сыновей. Несмотря на бѣдность, родители Лобачевского были не лишены нѣкотораго образованія. Отецъ Лобачевского, какъ архитекторъ, долженъ былъ имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія изъ математики. Относительно-же матери мы знаемъ, что она была грамотная и сознавала *пользу* ученія. Это намъ извѣстно изъ лѣтописей Казанскаго университета. Немедленно по открытіи университета совѣтъ обратился къ родителямъ воспитывавшихся въ гимназіи дѣтей съ вопросомъ: «согласны-ли они будутъ, чтобы дѣти ихъ, по окончаніи курса въ гимназіи, поступили въ открываемый вновь университетъ и, въ случаѣ, если они будутъ обучаться на казенный счетъ, обязались-бы прослужить университету 6 лѣтъ въ учительской или какой другой, зависящей отъ университета, должности». Въ собраніи отвѣтовъ родителей мы находимъ слѣдующее письмо матери Лобачевскихъ; она писала директору гимназіи Яковкину: «Милостивый Государь, Илья Осодоровичъ! Два письма изъ совѣта гимназіи отъ имени Вашего имѣла честь получить. Извините

меня, что я по причинѣ болѣзни долго не отвѣчала. Вы изволите писать, чтобы я увѣдомила Васъ о своемъ намѣреніи — желаю-ли, чтобы дѣти мои остались казенными, дабы, окончивъ ученическій и студенческій курсы, быть шесть лѣтъ учителемъ. Я охотно соглашаюсь на оное и желаю дѣтямъ какъ можно прилагать свои старанія за величайшую Государя милость, особливо для насъ бѣдныхъ».

Изъ всѣхъ матерей, приславшихъ отвѣты, одна только мать Лобачевского — жена разночинца — подписалась по крайней мѣрѣ собственноручно; другія-же матери, стоявшія выше ея по положенію, и настолько не умѣли писать!

Къ сожалѣнію намъ ничего болѣе неизвѣстно о родителяхъ Лобачевского, но мы знаемъ, что братья Николая Лобачевского, Александръ и Алексѣй, также очень легко и успѣшно учились; старшій, Александръ, былъ изъ числа первыхъ студентовъ, но вскорѣ-же послѣ поступленія своего въ университетъ утонулъ, купаясь въ рѣкѣ Казанкѣ. Младшій-же, Алексѣй, съ большимъ успѣхомъ занимался впослѣдствіи химіей. Очевидно, склонность къ ученью была свойственна всѣмъ членамъ семьи Лобачевскихъ. Можетъ быть эта склонность и подала поводъ къ сочиненію легенды о происхожденіи фамиліи Лобачевскихъ отъ слова *лобъ*, вслѣдствіе того, будто-бы, что всѣ члены этой семьи отличались очень развитыми лбами. Кстати замѣтимъ, что это напоминаетъ намъ греческую легенду о происхожденіи имени мудреца Платона.

Всякій человѣкъ, знакомый съ провинціальной русской жизнью въ настоящее время, можемъ себѣ представить, что такое была Казань сто лѣтъ тому назадъ до наступленія «дней Александровыхъ прекраснаго начала». Однако мы увидимъ, что и въ этотъ восточный уголъ Россіи проникали лучи просвѣщенія. Смѣсь слѣдовъ европейскаго просвѣщенія съ татарской дикостью придавала Казани удивительно своеобразный характеръ, который долженъ былъ отражаться болѣе или менѣе и на воспитаніи, и на нравахъ подраставащаго въ то время поколѣнія.

Нечего говорить, что Лобачевскій не могъ получить дома никакой подготовки въ гимназію, и вообще отъ родителей своихъ онъ наслѣдовалъ только свои способности; его выростило, выкормило, воспитало и выучило государство, и сама мать признавала это, называя своихъ дѣтей «казенными».

Изъ «Семейной Хроники» Аксакова мы узнаемъ, какъ не сладко жилось въ той же гимназій въ то время ему, барскому дитяти, и можемъ понять, какъ сурово было дѣтство Лобачевского.

Посмотримъ-же, что дало государство этому сыну народа. Мы скажемъ нѣсколько словъ о Казанской гимназiи того времени.

Уставъ этой гимназiи, утвержденный Павломъ I-мъ въ 1798 г., представляетъ намъ училище съ весьма широкимъ объемомъ преподаванiя и съ науками, которыя имѣли обще-образовательный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ готовили людей къ самымъ разнообразнымъ видамъ служебной дѣятельности. Это было нѣчто вродѣ лицея. Кромѣ первоначальныхъ общихъ предметовъ гимназическаго курса, здѣсь преподавались изъ языковъ: латинскiй, французскiй, нѣмецкiй и, въ угоду мѣстнымъ погребностямъ, татарскiй; изъ философскихъ наукъ: логика и практическая философiя; изъ физико-математическихъ: геометрiя и тригонометрiя, механика, гидравлика, физика, химiя, натуральная (естественная) исторiя, землевѣдѣнiе, т. е. землѣрiе, и гражданская архитектура; преподавались также науки юридическiя и военныя, наконецъ рисованiе, музыка, фехтованье и танцы. Въ такомъ видѣ Казанская гимназiя существовала не долго. Открытiе Казанскаго университета, послѣдовавшее въ началѣ царствованiя Александра I-го, измѣнило ея судьбу; вскорѣ она была подчинена университету и цѣль ея состояла уже въ подготовкѣ учениковъ къ этому высшему учебному заведенiю. Но замѣчательно, что Павловская гимназiя, изъ которой вышелъ истинный ученый Лобачевскiй, предназначалась къ приготовленiю молодыхъ людей къ службѣ гражданской и военной, по *«не къ состоянiю, отличающему ученаго человека»*. Разнообразное, хотя и поверхностное, образованiе пробудило всѣ богатые силы Лобачевского.

5-го ноября 1802 г. онъ поступилъ въ Казанскую гимназiю. Старшiй братъ его, Александръ, находился въ то время уже въ гимназiи и вскорѣ-же былъ принятъ туда и меньшой братъ, Алексѣй.

Въ гимназiи Лобачевскiй все время учился очень хорошо. Пролѣдивъ вѣдомости главнаго надзирателя гимназiи Упадышевскаго, мы видимъ, что за все время ученiя въ гимназiи его аттестовали весьма прилежнымъ и благонравнымъ и въ концѣ гимназическаго курса занимающимся съ особеннымъ прилежанiемъ математикой и латинскимъ языкомъ. Но Лобачевскiй учился хорошо потому, что чувствовалъ склонность, а не изъ подъ-палки. Хотя онъ росъ сиротою и былъ бѣднымъ ребенкомъ, мы не должны представлять его въ дѣтствѣ забытымъ мальчикомъ и такимъ-же ученикомъ на школьной скамьѣ. Напротивъ, это былъ настолько живой и бойкiй ребенокъ и юноша, что одинъ изъ учителей не разъ говорилъ ему: «По-

слушай, Лобачевскій, изъ тебя современемъ выйдетъ разбойникъ». Вѣроятно такое предсказаніе оскорбляло маленькаго Лобачевского; намъ извѣстно, что впослѣдствіи, когда тотъ-же учитель обратился къ нему, какъ къ помощнику попечителя учебнаго округа, съ просьбою о пенсіи, то Лобачевскій, исполнивъ послѣднюю, не могъ однако воздержаться отъ упрека и замѣчанія: «А помните-ли, вы думали, что изъ меня выйдетъ разбойникъ?»

Въ гимназій Лобачевскій пробылъ пять лѣтъ и въ 1807 году поступилъ во вновь открытый Казанскій университетъ. Еще бывши ученикомъ гимназій, Лобачевскій присутствовалъ на торжествѣ этого открытія. Историкъ Казанскаго университета Буличъ говорить: «Ни одно событіе университета, ни одинъ сколько нибудь важный фактъ его исторіи съ самаго начала до настоящаго времени не могутъ быть упомянуты безъ имени Лобачевского. Его благородная жизнь тѣсно и неразлучно сплеталась съ исторіею Казанскаго университета; она есть живая лѣтопись университета, его надеждъ и стремленій, его возрастанія и развитія». Поэтому съ момента поступленія Лобачевского въ университетъ мы будемъ говорить о его жизни въ связи съ исторіей того же университета.

Казанскій университетъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу *Александровскихъ* университетовъ, основанныхъ въ началѣ царствованія Александра Благословеннаго. Исторія жизни университета была въ то время и исторіей просвѣщенія въ Россіи, особенность котораго по общепринятому мнѣнію та, что оно всегда шло сверху, а не снизу, т. е. исходило отъ монарховъ, которые искали и находили себѣ дѣятельныхъ сподвижниковъ среди наиболѣе выдающихся людей изъ своихъ подданныхъ. Для утвержденія столпа просвѣщенія въ Казани государь выбралъ математика-академика Румовскаго, ученика великаго Эйлера. Къ сожалѣнію, Румовскому въ то время было уже за семьдесятъ лѣтъ.

Правительство, ставъ во главѣ умственнаго движенія, выработало общій планъ народнаго просвѣщенія, о которомъ говорилъ Карамзинъ, что онъ «былъ великъ и славенъ, не только для Россіи и Государя, но и для самаго вѣка». Объ этой свѣтлой эпохѣ казанцамъ напоминаетъ портретъ, стоящій въ университетскомъ актовомъ залѣ: на немъ изображенъ юный царь прекрасной наружности, дарующимъ, какъ добрый геній, передъ бюстомъ Екатерины Великой грамоту Казанскому университету.

Въ половинѣ января 1805 г. Румовскій далъ предписаніе конторѣ казанской гимназій объ очищеніи и о протапливаніи надле-